

Запах быстро исчез, но Чжан Сяо, несмотря на мороз в несколько десятков градусов ниже нуля, слегка вспотел.

Ду Цивэй, схватив его за запястье, почувствовал повышение температуры тела, учащение пульса и легкую испарину — все это было признаками первичной сексуальной реакции. Посмотрев в сторону, куда устремлен взгляд Чжан Сяо, он тут же улыбнулся с пониманием.

Чжан Сяо категорически отрицал, что это сексуальная реакция, и Ду Цивэй, после многочисленных попыток убедить его, наконец сдался и переключился на другую тему:

— Даже если это не сексуальная реакция, разве ты не считаешь, что старший брат Дэн Хун — отличный парень?

На этот раз Чжан Сяо заколебался.

— Иди, завяжи роман, — сказал Ду Цивэй, держа в каждой руке по телефону и одновременно отправляя сообщения своей девушке А и девушке Б. — Романтика — это так здорово.

Письмо было не на восемь тысяч иероглифов, а всего на двести с лишним. Строго говоря, это было даже не любовное письмо, а просто краткое представление себя и выражение надежды на возможность начать с дружбы и углубить взаимопонимание. Более того, это письмо из двухсот с лишним иероглифов написал за него Ду Цивэй.

Чжан Сяо действительно немного заинтересовался, поэтому не стал отказываться и вложил письмо в свою курсовую работу, которую передал Дэн Хуну.

Письмо было на двести иероглифов, курсовая — на 7 500.

Но Дэн Хун его не прочитал. Он просто заменял Янь Цзиня на занятии, и в итоге проверка работы все равно легла на плечи самого Янь Цзиня.

И вот Янь Цзинь его увидел.

Сначала он подумал, что письмо адресовано ему, и обрадовался, но, увидев подпись «Чжан Сяо», почувствовал легкий укол разочарования — это был мужчина. Затем, прочитав обращение «Дэн Хун», его радостное настроение тут же улетучилось. Он вызвал Чжан Сяо, серьезно вернул ему письмо и сообщил, что у Дэн Хуна нет ни девушки, ни парня, пожелав ему удачи. Однако Чжан Сяо, сгорая от стыда, опустил голову, вернулся в свою комнату, разорвал письмо и смыл его в унитаза, больше никогда не вспоминая об этом.

Теперь, услышав, как Янь Цзинь снова заговорил об этом, Чжан Сяо чуть не закричал:

— Не надо об этом!

Янь Цзинь посмеялся, а затем серьезно попросил Чжан Сяо выпустить своего листового мунтжака.

Увидев, как мунтжак выпрыгнул из легкого тумана, поднимающегося от тела Чжан Сяо, Янь Цзинь был полон радости. Он погладил мунтжака по спине, почесал его маленькие ушки и с чувством сказал:

— Ты... ты наконец добился успеха. Я так боялся, что даже если я порекомендую тебя в Комитет по управлению культурными реликвиями, это не поможет. Но твои способности

действительно идеально подходят для управления Прибором Чэня, ты очень нужен Ин Чанхэ. Учитель действительно переживал за тебя. Если бы ты так и не смог выпустить ментальное тело, что бы ты делал дальше...

Казалось, ему очень нравилась шерсть мунтжака, и он продолжал гладить его.

— А ты? — Янь Цзинь повернулся к Гао Цюну. — Ты тоже студент нашего института? Кажется, я тебя не помню.

Чжан Сяо ответил за Гао Цюна:

— Нет. Он не учился в университете.

— О... — Янь Цзинь задумался. — Часовые без высшего образования встречаются редко. Часовые всегда пользовались особым вниманием, проходной балл на гаокао для них всегда был на сто баллов ниже, чем для проводников. Даже если они плохо сдавали экзамены, их могли зачислить как спортсменов, если их ментальное тело было сильным. А у тебя что случилось?

Гао Цюн не ответил на его вопрос:

— Зачем ты спрашиваешь?

Янь Цзинь улыбнулся:

— Ладно, не буду. Я хочу увидеть твоё ментальное тело. Вы уже связались?

Гао Цюн:

— Что такое связывание?

Чжан Сяо, покраснев, замахал руками:

— Нет, нет.

Янь Цзинь кивнул с пониманием:

— В любом случае, я хочу увидеть твоё ментальное тело. У меня нет злых намерений.

Его голос был очень мягким, выражение лица спокойным, не было ни намека на давление или агрессию. Чтобы показать, что он не имеет ничего против Гао Цюна, Янь Цзинь сам выпустил своё ментальное тело — поугая ара.

Попугай пролетел круг по комнате и, наконец, приземлился на спину мунтжака, крепко вцепившись когтями в его шерсть. Мунтжак не очень обрадовался, открыл рот и тихо запищал в знак протеста.

Гао Цюн больше не сопротивлялся. Он моргнул, и из его тела начал подниматься молочно-белый, зернистый туман, который медленно вращался, пока не превратился в волка с серо-белой шерстью.

Но в тот момент, когда контуры тела волка проявились, попугай, сидевший на спине мунтжака, вдруг вздрогнул, глаза его округлились, а перья встали дыбом. Когти птицы впились в спину мунтжака, и она издала пронзительный крик.

Волк спокойно стоял на полу рядом с Гао Цюном, не обращая внимания на крики попугая, лишь повернул голову и посмотрел на него.

Попугай тут же замер. Он больше не издавал ни звука, но его настороженная поза не изменилась, перья оставались взъерошенными, а круглые глаза пристально смотрели на волка.

Волк перевел взгляд на мунтжака и заметил, что попугай все еще держит его шерсть, а мунтжак явно чувствует боль, тихо постанывая.

Волк поскрежетал зубами и шагнул вперед в сторону мунтжака.

Попугай вздрогнул всем телом и вдруг превратился в легкий туман, мгновенно исчезнув внутри тела Янь Цзиня.

Соперник исчез, и волк, виляя хвостом, с гордым и легким видом подбежал к мунтжаку, лег рядом с ним и, высунув язык, осторожно лизнул его ухо.

Чжан Сяо чувствовал себя чертовски неловко и поспешил жестом показать Гао Цюну, чтобы тот успокоил своего волка.

Но взгляд Гао Цюна был направлен не на волка, а на поднявшегося Янь Цзиня.

Янь Цзинь посмотрел на волка, затем на него и задал вопрос:

— Ты родственник Ин Чанхэ?

Гао Цюн спокойно ответил:

— Дальний родственник.

Янь Цзинь:

— Я никогда раньше не слышал, чтобы он упоминал тебя.

Гао Цюн:

— Я тоже не слышал, чтобы он упоминал тебя.

Янь Цзинь указал на его волка:

— Твой волк не мутировал?

Гао Цюн оставался спокойным:

— Нет.

— Что не так с волком? — Чжан Сяо немного забеспокоился.

Янь Цзинь задумался на мгновение, затем махнул рукой:

— Ничего. Вам лучше пойти к Дэн Хуну, я боюсь, что после двенадцати он уйдет.

Но Чжан Сяо чувствовал, что взгляд Янь Цзиня прилип к Гао Цюну, и никак не мог от него оторваться. Перед тем как они ушли, Янь Цзинь еще раз взял его за руку и с отеческой заботой напомнил ему быть осторожным и беречь себя.

После окончания аспирантуры Дэн Хун устроился техническим консультантом в биотехнологическую компанию, одновременно преподавая в школе на курсах физической подготовки. Иногда он проводил занятия в здании навыков рядом со стадионом, как сегодня.

Гао Цюн молчал всю дорогу, и только когда они подошли к стадиону, он наконец заговорил:

— Что за письмо на восемь тысяч иероглифов?

— Не было никаких восьми тысяч, он все выдумал. — Чжан Сяо объяснил всю историю.

Гао Цюн спокойно спросил:

— Значит, ты все-таки написал письмо.

— Но это не я писал.

— Однако подпись была твоя, и ты его принял.

Чжан Сяо остановился:

— Ну и что? У всех в прошлом были симпатии к кому-то. Моя реакция на тебя — это одно, а мои чувства к другим — совсем другое.

Его раздражало, когда кто-то поднимал эту тему. Его легкая симпатия к Дэн Хуну давно исчезла, не говоря уже о тех чувствах. Он годами подавлял сексуальные реакции, и только с Гао Цюном этот барьер был сломан. Этот человек всегда сбивал его с толку, то радуя, то огорчая, а теперь еще и заставляя ревновать, хотя Чжан Сяо даже не был уверен, действительно ли Гао Цюн ревнует.

Возможно, он просто, как и всегда, когда целовал его, смотрел с любопытством и удовлетворением, спрашивая:

— А где мунтжак?

«К черту мунтжака, ты целуешь меня, а не его».

Но Чжан Сяо не мог протестовать. Когда Гао Цюн его целовал, его тело становилось слабым, а промежуточная сексуальная реакция вызывала возбуждение и расслабление, не позволяя думать ни о чем другом. Только перед сном, вспоминая, как Гао Цюн пользовался им днем, он придумывал множество способов сопротивления и ругательств.

Но это было бесполезно. В следующий раз, когда Гао Цюн его целовал, все эти мысли и слова, которые он так долго обдумывал, просто исчезали из головы.

Гао Цюн мог не понимать многого, но он легко чувствовал, когда Чжан Сяо злился или радовался.

Он больше не осмеливался говорить, хотя ему было чрезвычайно любопытно, он подавил желание задавать вопросы.

Дэн Хун действительно был в здании навыков, он только что закончил занятие.